

Катя Степанцева

16+

Хочу танцевать с тобой

Победитель
конкурса детской
и подростковой
книги

Катя Степанцева
Хочу танцевать с тобой

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Степанцева К.

Хочу танцевать с тобой / К. Степанцева — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

ISBN 978-5-532-99641-0

Мама странно скривилась, обмякла и упала. Я не успела подхватить ее, мы рухнули на пол. Скорую! Нужно вызвать скорую! Голос подводит, я начала заикаться. Попыталась задержать дыхание – и рассмеялась. Вызов сбрасывали, потому что я хохотала в трубку. Когда я все же успокоилась и дозвонилась до врачей, было уже поздно. Мама умерла по дороге в больницу... Отца всегда раздражали ее жалобы. Он говорил, что мигрень – несуществующая болезнь, что мама притворяется. Теперь он напивался и кричал, что это я виновата, не спасла ее. Бабушка говорит, что я должна начать все заново. Я покрасила волосы в розовый – назло! А еще меня отправили в лагерь – если бы я только знала кого встречу там!

ISBN 978-5-532-99641-0

© Степанцева К., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	25
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Катя Степанцева

Хочу танцевать с тобой

*Посвящается тому, кто
обещал читать все мои книги.*

Глава 1

Снова проснулась от того, что кричала во сне. Я отлепилась от подушки и оттолкнула ее от себя, прильнула щекой к прохладной простыне. Мне снился один и тот же сон: я звоню в скорую.

В тот день мама не пошла на работу. Отец ворчал, собираясь: «Вечно у тебя голова болит! Эти мигрени – несуществующая болезнь». Хлопнула дверь. Мама встала с кровати, чтобы привычно поцеловать меня перед школой, лицо её исказилось, она стала так часто и судорожно дышать, что я испугалась. Бросилась к ней и успела подхватить обмякшее тело. Мы рухнули на пол. Я еле умудрилась удержать её так, чтобы она не ударилась головой. Закричала страшным чужим голосом: «Мама! Мамочка, что с тобой?», но она не отвечала. Я сидела, бережно держа её под голову и прижимаясь щекой к её лбу. Через несколько минут она попыталась что-то сказать, но получалось только мычание. Её бледное перекошенное лицо напоминало маску из школьной театральной студии. Я попыталась втащить её на кровать и устроить поудобнее, слышались звуки подступающей рвоты. Я не понимала, что делать. Наконец усадила маму на кровать так, чтобы голова её опиралась на подушку и немного свешивалась набок, поползла к сумке, которая валялась у двери. У мамы уже случались обмороки, но рядом всегда были бабушка или папа, и они справлялись с этим. Вызывали скорую! Нашарить мобильник в сумке никак не удавалось, и я просто вывалила всё её содержимое на пол, а когда он был найден, я никак не могла сообразить, какой номер нужно набирать.

– Скорая, слушаю.

– Здравствуйте... – я задыхалась, мысли путались в голове, слова вырывались как-то прерывисто с придыханием, – маме пло... хо.

В горле пересохло, и я вдруг начала икать.

– Возраст?

– Ей... ик... пло... хо, слышите?

– Возраст какой? – строго спросила трубка.

– Тринадцать... ик...

– Маме сколько? – негодовала трубка.

– Тридцать... ик, ой, семь, – я никак не могла сдержать икоту. Я запретила себе бояться, надеясь, что всё обойдётся. Икота не отступала, тогда, чтобы подавить её, я надула щёки и задержала дыхание, и вдруг от этого стало так смешно. Я, как могла, старалась хихикнуть тихо, но плохо получалось. Слёзы потекли по лицу, я снова икнула и уронила телефон на пол. Гудки. Вызов был прерван. Я набрала номер.

– Тётяшка, ахахх-ик, – хрипло, еле сдерживаясь, кричала я в телефон, – скорую ик... ой, при... ик... ой... шлите, ахахх... – И вроде уже надо успокоиться, а я не могла.

– Дети, что ли, балуются? – сказали в трубке и сбросили вызов.

Я не верила своим ушам. Скорая отказалась принимать вызов. Снова набрала номер, сквозь слёзы еле разбирая цифры. Я почти не слышала слов стандартного приветствия и не смогла ничего сказать в ответ, потому что смех набрал свою высоту, не давая мне шанса остановиться.

– Дети, не занимайте линию! Кому-то, может быть, сейчас требуется помощь! Имейте совесть! – истерично кричал женский голос мне в ухо, а я хваталась руками за предметы и роняла их на пол, еле стоя на ногах, и хохотала, то держась за живот, то хлопая себя по коленкам. Я хотела разогнуться и протереть глаза от слёз, вздохнула, резко выпрямившись, и со всей силы ударилась макушкой об острый угол навесной книжной полки. Книги повалились, водопадом увлекая за собой тетради, фотографии и какие-то мелкие бумажки. Я сидела на полу,

держа рукой голову, заплаканная, растерянная, размазывая сопли по лицу, не понимая, что со мной случилось.

По рукам потекла горячая красная струйка. В голове мелькнуло: «Что я делаю? Зачем я здесь сижу? Мне нужно к маме!» Я медленно встала, еле держась, подошла к ней, взяла за руку, пульса не слышно, попробовала найти его на шее, и только там еле-еле почувствовала слабые удары. «Где этот поганый телефон?!»

Кое-как, нашарив среди раскиданных вещей мобильник, я снова позвонила в скорую, заплетающимся языком назвала адрес и потеряла сознание.

Мама скончалась по дороге в больницу, а мне предстояло жить с мыслью, что я убила её идиотским смехом.

С тех пор прошел год, я так ни разу и не засмеялась.

Глава 2

Она появилась так, как появляются только волшебницы. За окном бушевал ветер и моросил дождь. В такую погоду люди сидят дома под пледом и смотрят бесконечные сериалы, поглаживая толстого пушистого кота.

Я мыла посуду. «Ненавижу! Ну почему, блин, её так много? Почему я вообще должна её мыть? Хочу лежать и бесконечно слушать музыку».

Звонок в дверь разрушил тишину столь внезапно, что тарелка выскользнула из рук и шлёпнулась обратно в раковину, наполненную водой. Я удивлённо выглянула из кухни, сообщая, кто это может быть? Открылась дверь и громко захлопнулась резким порывом ветра, в коридоре появилась маленькая хрупкая женщина. У неё были тонкие аристократические черты лица и добрые синие глаза, светлые волосы аккуратно уложены в пучок, волосок к волоску. Несмотря на непогоду, одета она аккуратно, а ботинки сверкали, будто только начищены. На тёмно-синем пальто блестели капельки, словно бусинки. В руках она сжимала длинный чёрный зонт-трость и довольно вместительную кожаную сумку. «Чёрт, я опять забыла запереть дверь на замок».

Это была Мария Андреевна. У старшеклассников, мечтающих поступить в пединститут, она преподавала педагогику и психологию раз в неделю, а всё остальное время работала школьным психологом. Я ходила к ней уже полгода, но отношения наши не ладились. Мария Андреевна всё пыталась со мной играть, как с маленькой, в дурацкие игры, рисовать страхи (разве можно их вообще нарисовать?), предлагала тесты с глупыми вопросами и ещё более глупыми вариантами ответов. В общем, сплошное мучение. Но однажды всё изменилось. Я пришла на занятие немного раньше обычного. Дверь была приоткрыта, в кабинете кто-то громко и злобно кричал. Я прислушалась, заглянув в щель.

– Вы абсолютно некомпетентны в оценивании детей на уроке! Почему у вас в журнале одни пятёрки? – надрывался неприятный голос.

– Потому что дети хорошо готовятся, тянут руки... – тихо ответила Мария Андреевна.

– То есть пятёрки вы им ставите за то, что они руки хорошо тянут? Оценки ставят за знания, милочка, если вы забыли, то я вам об этом напоминаю! – Огромная фигура завуча нависла над хрупкой женщиной, как девятый вал над углой лодкой.

– Но ребята правда знают материал, – оправдывалась Мария Андреевна.

– Да неужели? Все как один, и троечники, и двоечники на ваших уроках обладают феноменальной памятью, как я посмотрю. Или просто вы идёте у них на поводу? Это непрофессионально! Вам тогда в школе не место! Я буду весь месяц посещать уроки старшеклассников и проверять вашу систему оценивания!

«Вот ведь противная тётка!» – возмутилась я. Обвиняющая тирада была сказана уже почти у самой двери, и я поспешно отскочила в сторону, пропуская завуча Инессу Владимировну, бомбой вылетевшую в коридор. Я заглянула в кабинет, Мария Андреевна сидела, сгорбившись на диване. Когда я вошла, она поспешно отвернулась к окну. Мне хотелось обнять её, но я не решилась. Быть может, она хотела что-то сказать, но не могла справиться с собой. Знаю, как сложно подавить неумолимо подступающий комок, как только начинаешь говорить. Так мы сидели молча несколько минут. Это были неловкие минуты, потому что я совсем не умела утешать. Перед уходом положила ей на стол завернутую в бумажку фигурку из киндерсюрприза. Фигурка изображала неведомое существо, смешно растопырившее руки-лапы в стороны.

На следующий день Мария Андреевна, увидев в коридоре, позвала меня и сказала: «Спасибо! Извини, что вчера не удалось поговорить, что-то я совсем расклеилась. А это, кстати, тебе!» Она протянула мне маленькую серебряную подвеску-якорь. С тех пор наши встречи

стали более тёплыми, что ли. Но я никак не ожидала, что молодая психологиня появится у меня дома в августе.

- Здравствуй, Катя! – пропела она своим серебристым голосом.
- Здра-а-сте, Мария Андреевна, – удивлённо протянула я.
- Я ненадолго. Звонила твоей бабушке, договорились сегодня встретиться.
- Зачем?

Мария Андреевна, хитро улыбнувшись, открыла сумку и достала коробку шоколадных конфет, большую упаковку моих любимых мармеладок-змей, три сахарные булочки и маленькую баночку молотого кофе. Не удивлюсь, если у неё там есть и плед, и толстый кот, на всякий случай. Как раз бы влез.

- Ставь чайник, Катя! Скоро всё расскажу.
- Я отвлеклась от созерцания сумки и пошла наливать воду в чайник.

В коридоре хлопнула дверь. Кого там ещё принесло? Бабушка тоже вся блестела каплями дождя, но лицо её сияло, словно дождь смыл с неё тревоги последних месяцев. Я смотрела на неё и не узнавала. Определённо это была моя бабушка, но она помолодела и выглядела очень бодрой, покрасила волосы и брови, её чёрные глаза от этого стали ещё более выразительными.

– Ну вот и все в сборе, – сказала Мария Андреевна. – Итак, сегодня я пришла сообщить, что завтра начинается новая смена лагеря школьных активов и я приглашаю Катерину съездить туда. Как раз есть одна путевка!

У мультяшных героев в такие моменты отпадает челюсть, а глаза становятся размером с блюдце. Я тоже удивилась, не столь бурно, но всё же.

– Она согласна, – радостно сказала бабушка, но потом её взгляд метнулся в мою сторону и сразу потух.

– Что? Опять за меня решила? – возмутилась я, разливая кипяток по чашкам. А сама подумала: «Что может быть хуже, чем попасть в лагерь лидеров из всех школ города?»

– Домики в лагере отапливаются, в каждом есть душ. Возьми с собой побольше тёплых вещей, – невозмутимо продолжила психологиня. – Людмила Васильевна, я знаю про ваше финансовое положение, поэтому путёвку выбила бесплатную. Не переживайте, всё будет хорошо! Вы абсолютно правы были, когда сказали, что Кате необходимо сменить обстановку.

Бабушка слушала, задумчиво помешивая сахар в чае. Мария Андреевна осторожно подула на кофейного джинна, поднимающегося из чашечки. Я раздражённо встала, захватила мармеладных змей, чтобы не достались больше никому, и демонстративно вышла из кухни в свою комнату. А бабушка-то хороша! Они уже давно договорились про лагерь. «Кате необходимо сменить обстановку, – передразнила я гостью. – Необходимо! Кому? Да откуда они вообще могут знать, что мне необходимо?»

Из кухни доносились обрывки фраз: «Вам надо жить ради ребёнка... Если вы не возьмёте себя в руки, то и она не сможет... Всё получится...»

Мармеладом меня купить хотели. Я с отвращением отбросила ароматные полоски и подобралась к серванту. Достала из самого дальнего угла нижнего ящика заветную коробочку с письмами и тёмно-русый локоном в белом конвертике. Бережно достала этот локон и погладила его: «Все тебя забыли, мама. Они хотят, чтобы и я забыла». Слезы повисли на ресницах, и жутко захотелось их сморгнуть. Зашумела в коридоре, собираясь, Мария Андреевна, и я, смахнув непрошенные слезинки, торопливо спрятала свои сокровища обратно в ящик.

Она ушла, быть может, спешила осчастливить ещё какую-нибудь сиротку. Бабушка молча собирала мой чемодан.

- И давно ты знаешь про лагерь? – спросила я, подозрительно шурясь.
- Мы ещё весной его обсуждали. Я думала, она пораньше с тобой поговорит.
- Я не поеду! – упрямо сказала я.
- Да почему? Съезди! Всё лучше, чем бездельничать одной.

– Не надо разговаривать со мной как с маленькой.

– А ты какая? Большая, что ли? Съезди в лагерь, отдохни. Тебе эта взрослая жизнь ещё вот так надоест, – бабушка выразительно приложила ладонь к горлу.

– Ах вот как ты со мной, да? – сказала я дрогнувшим голосом.

– Как? Мария Андреевна уверена, что тебе этот лагерь только на пользу пойдёт! Познакомишься с новыми хорошими людьми, друзей заведёшь. Нормальных.

– А у меня типа друзья ненормальные только? Может, и я, по-твоему, ненормальная? – в голосе появились истерические нотки, несмотря на то что мне очень хотелось их скрыть.

– Да причём здесь это? Ты поедешь, я всё решила.

– Почему ты всегда решаешь за меня? Ты мне не мать, зачем ты лезешь в мою жизнь? – закричала я. Бабушка застыла на месте от таких слов.

– Катерина, прекращай концерт, – произнесла она устало. – Мария Андреевна едет старшей вожатой, она присмотрит за тобой. Тебе раньше очень нравилось ездить куда-нибудь. Вспомни! Начни уже жить, наконец-то, как раньше!

– Как раньше? Да не будет этого никогда! – закричала я и хлопнула дверью.

Я бухнулась на кровать, ударила подушку кулаками с двух сторон и разрыдалась. «Вы ещё пожалеете, что отправили меня туда!»

Я чувствовала себя так, будто с моего сердца сорвали пластырь.

Глава 3

Мама уверяла, что собрала только самое необходимое, но чемодан упрямо не закрывался. Рома давил на крышку, а мать упорно тянула «собачку» молнии, едва слышно бормоча ругательства. В его душе росло глухое раздражение. Запихнуть бы половину из этих вещей обратно в шкаф, да мама не позволит.

– Давай я сам?

– Да погоди, он уже почти закрылся! Отдохни. Как ты себя чувствуешь? Иди посиди, мы сами как-нибудь, – покраснев от натуги пропыхтела она.

– Норм, – ответил Рома, наверное, раз двадцатый за день. Но послушно обогнул журнальный столик с многострадальным чемоданом и поплёлся к дивану.

– Давай уберём этот свитер? В нём только девок пугать, – саркастически заметил папа, показывая пальцем на кусок серой шерсти, застрявшей между зубцами молнии.

– Нормальный свитер. Он связан с любовью, а следовательно, прекрасен, – сказала мама, утрамбовывая его поглубже в недра чемодана. – Рома, не слушай отца, у него в голове один ветер, – она укоризненно посмотрела на папу. – Забыл уже, как тебя недавно продуло? А кто тебя потом лечил? В августе по вечерам уже прохладно, так что свитер точно пригодится.

– А пацан-то вырос уже, ему пора носить что-то помоднее. Он же не дед в шерсти париться, – не унимался отец.

– То есть тебе свитер мой не нравится? Ещё скажи «прошлый век», – мама зло зыркнула на отца, а потом с удвоенной силой налегла на чемодан, под таким яростным напором он сдался и, наконец, закрылся.

Он стоял возле двери и всем своим пухлым видом показывал, что готов к трём неделям свободной жизни. Мама устало упала на диван рядом с Ромой, задев гитару, отчего та жалобно застонала.

– Всё равно мне не нравится идея с лагерем! Ромка опять там чего-нибудь отчебучит в своём репертуаре, – сказала она, отдуваясь и оттягивая ворот водолазки горчичного цвета.

– Ну всё, опять началось! – возмутился Рома, порываясь встать, но мама схватила за руку, и он плюхнулся обратно.

– Чего опять? Не опять, а снова. Вот как тебя отпускать? Двух недель не прошло с твоей последней выходки, до сих пор в себя прийти не могу.

– Бесит уже! Сто раз ведь говорил, просто ролёвка была и всё! Побегали с пацанами, помахались мечами. Подумаешь, с лестницы прыгнул неудачно, а ты и рада развести кипеж. Ничего страшного не стряслось.

Рома лукавил. Сам испугался, когда подвернул больную лодыжку. Именно её он полгода назад сломал на такой же ролевухе. В глазах потемнело, и он еле схватился за перила лестницы. Не помнил, как очутился на ступеньках, тут же вырвало. Голова кружилась. Парни перепуганно столпились, трясли его за плечи, со страху подумали, что снова сломал ногу, и вызвали скорую. Скорая, конечно, связалась с полицией, подозревая избиение. Полиция насмерть перепугала маму. В общем, та ещё заварушка вышла. Мама тогда неделю рыдала и показательно капала в стакан корвалол.

– Всё будет хорошо. Ну чего ты, правда, – отец втиснулся между ними. – Там отличные вожатые. Ростислав сказал, что детям просто некогда будет заниматься ерундой, каждая минута занята. Он показал расписание – концерты всякие, интеллектуальные игры, викторины. И никакого экстрима!

– Да знаю! Но всё равно как-то беспокойно мне!

– Я Ростика с универа знаю. Он лучший у нас на потоке был, всегда и во всём первый. А уж сколько он сам вожатым проездил, не перечить, потом методистом, потом до начальника лагеря дорос!

Отец ещё что-то говорил подбадривающее, а Рома вспомнил тот день, когда родители встретились с Ростиславом Александровичем и тот долго уговаривал маму отправить сына в лагерь. Отец давно уже был «за», а вот мама...

– Приму как родного, – сказал Ростислав Александрович. – Но и спрос будет в два раза строже.

Мама вроде сдалась, но после этого десять раз пожалела о своём решении.

Она вздохнула:

– Там же нагрузка огромная, они всё время бегают и что-то делают.

– Вот и хорошо! Чем больше двигается, тем быстрее придёт в норму, поверь мне.

Она вздохнула, как бы соглашаясь с ним, но в глазах всё равно сквозило недоверие. Рома, в душе негодуя, делал вид, что ему всё равно, а сам исподтишка наблюдал за родительскими препирательствами.

– И кстати, насчёт девушек, – выделила мама слово «девушек» и повернулась к Ромке. – Ты поаккуратнее там. Выбирай, с кем общаться, а то знаешь, всякие сейчас пошли. Найдётся какая-нибудь... Глупостей каких-нибудь не натвори. Об учёбе надо сейчас думать.

Рома закатил глаза:

– Да ё-маё! Мам, ну не начинай, а! Какая учёба? Ещё только август!

– Ой, да ладно тебе, Лен! – хитро сощурившись, попытался сгладить обстановку отец. – Что ты к нему пристала? Такая, не такая. Она должна ему нравиться, а не тебе. Ты себя-то вспомни. Примерная, что ли, была?

Мама обернулась к нему, прикоснулась пальцами к непослушной чёлке. Рома отвёл глаза и заелозил на диване, пытаясь встать. «Самое время смыться. Чемодан собран, может, сыграть в «колду»?»

– Мы, кстати, в лагере с твоей мамой познакомились, та ещё была заноза, – остановил его едва начатый побег отец.

– Миша! – покраснела мать и отпихнула его от себя. – Ты обещал не припоминать мне эту историю.

Мобильник спасительно завибрировал, и Рома, кое-как оторвав задницу от дивана, похромал в коридор, чтобы не слушать секретную историю чудесного знакомства. Заодно подхватил старенькую гитару и поставил её рядом с чемоданом. Её он тоже решил взять с собою. Когда сломал ногу, гитара стала единственным развлечением в бесконечной череде одинаковых дней. Рома накачал из интернета аккордов, и несколько вечеров отец учил его исполнять самые простые песни. Потом он уже справлялся сам.

– Да, – выдохнул Рома в трубку.

– Привет, старичок! Собрался уже? – ехидно поинтересовалась Лариса.

– Ага, чемодан напоминает бомбу, которая вот-вот взорвётся. А ты?

– Осталось немного вещей, не влезли. Думала к тебе запихнуть, но, видимо, не получится.

Как самочувствие?

– Ларис, давай хоть ты не будешь эту чушь спрашивать? Мама уже достала. Она со мной только о таблетках и самочувствии разговаривает, как будто мне семьдесят пять на днях исполнится.

– Ой всё, не ворчи, старичок. Я просто так спросила, ты какой-то нервный.

– Да достали уже, они постоянно несут какой-то бред! Поскорей бы свалить уже отсюда.

Лариска сдавленно хихикнула:

– Не преувеличивай.

– У меня иногда ощущение, что они с другой планеты. Прикинь, отвернусь, а у кого-то из них из груди вырвется «чужой» и сожрёт меня! Хотя мама и так прекрасно высасывает мозги своими психами!

– Скажешь тоже. Ладно, до завтра! В лагере оттопыримся на всю катушку. Ночь потерпеть и свобода! Йуху!

– Пока! – Рома сбросил вызов, задумчиво постоял в коридоре, прислушался к голосам родаков. «Да, Ларка права, завтра всё изменится». Завтра он сам будет принимать решения. Нога болела и распухла. Матери говорить нельзя. «Где эта дурацкая мазь?»

Утром Рома чувствовал себя бодрее. Что-то вчера непривычно расклеился, даже пожалел сам себя. Какие глупости. Но насчёт трости решил точно: её с собой не повезу. Мама, конечно, распсиховалась, потом начала уговаривать, потом льстить:

– Да ты с ней вылитый доктор Хаус!

Рома даже комментировать не стал. Она, не найдя поддержки, обратила свой тревожный взор на отца и начала пилить. Пилила его на остановке, потом в автобусе, от второй остановки до комитета по делам молодежи:

– Миша, я волнуюсь!

– Это обычное твоё состояние, я не удивлен.

– У меня ощущение, что мы хотим избавиться от своего больного ребенка.

– Да, блин! Больно... – возмутился Рома, но отец прервал его на полуслове.

– Лен, мы обсуждали это сто раз! Избавиться! Сама говорила, что он от безделья на стенку лезет, потому что мы весь день на работе, а кроме нас некому его развлекать, – папа говорил спокойно, Рома завидовал его терпению. Он решил пока не лезть со своим мнением и послушать, что на этот раз мама придумала, чтобы не отпустить в лагерь.

– Как он там будет? Один! – смахивая слёзы, говорила мама.

Они, наконец-то, дошли до места отъезда и остановились. Кругом суетились люди. Этот хаос заражал энергией. Роме уже не терпелось влиться в толпу, освободиться от бесконечной удушающей материнской заботы. Рома увидел растерянную Ларису у столика регистрации. Она мельком глянула на него, махнула рукой и всё. Отвернулась. Повсюду сновали дети и вожатые, громоздились сумки и чемоданы. Все двигались, суетились, шумели, пели, хохотали. Взгляд сам зацепился за неё. Странная девчонка в солнечных очках. Этим дождливым днём они были «как нельзя кстати». Угу. Но не только они привлекли внимание, всё было в ней странным, неестественным: и розовые волосы, и прямая осанка, и какая-то внешняя отстранённость. Рома сразу подумал, что они чем-то похожи. Она казалась, как и он, сломанной. Просто первое, что пришло ему в голову. Но в то же время, если Рома чувствовал себя здесь среди этой толпы своим, то она казалась чужой.

Должно быть, Рома разглядывал её слишком пристально. Он скорее почувствовал, чем увидел, как острый взгляд за тёмными стеклами впился в него, и тогда быстро отвернулся, будто его застали за чем-то стыдным. Отец снова принялся утешать маму.

Когда Рома решил снова посмотреть на ту девчонку в солнечных очках, то не смог отыскать в толпе. Вожатые объявили посадку, и толпа подростков ринулась на abordаж. Рома с Ларисой, подхваченные течением, двинулись к припаркованным у дороги автобусам. Несмотря на то что Рома начал хромать больше обычного, им удалось занять места одними из первых. Рома и Лариса нашли два места рядом, он пропустил Ларису к окну, и они дружно замали родителям. Те разговаривали и улыбались, но Рома видел, что мама вытирала слёзы. А Рома чувствовал себя прекрасно, так что хотелось петь. В основном из-за того, что в суматохе «забыл» трость около стола регистрации и никто этого не заметил.

Первой выехала полицейская машина, за ней вереницей тронулись автобусы. Симпатичная вожатая в голубой футболке с жёлтым логотипом лагеря на груди затеяла игру в «Снежный ком».

Глава 4

Бабушка ушла на работу в ночную смену, но обещала утром проводить меня. Она работала в ресторане посудомойщицей. Можно было уже и не работать, всё-таки на пенсии, но отец пил и, конечно, после каждого запоя менял место работы.

Он пришёл поздно, снова где-то набрался по дороге домой. Я не хотела с ним разговаривать и заперлась у себя в комнате. Отец долго ходил туда-сюда по квартире, шаркая ногами, словно старик, забыв уже, что видел меня. Потом внезапно начал барабанить в дверь и орать: «Я тебя убью, тварь, ты мне всю жизнь испортила!» Потом долго рыдал под дверью, умоляя выйти: «Прости меня, прости, выходи». И так до бесконечности: «Прости меня, слышишь. Выходи! Прости! Ты слышишь меня, тварь?! Прости, я не знаю, что со мной... Ты не спасла её! Это ты во всём виновата! Дура. Лучше бы ты сдохла! Боже, что я говорю? Прости...»

Я прислушалась. В соседней комнате всё стихло, спящий родитель захрапел под размеренное бормотание выпуска новостей. А я... залезла под одеяло прямо в одежде, накрылась с головой и попала в волшебный мир воспоминаний.

Вот я, совсем маленькая, лежу в кровати, над головой ночник с Микки Маусом, а мама с папой читают мне по ролям «Чиполлино» перед сном, смеются, толкаются, изображая то Синьора Помидора, то Графиню Вишенку.

Тихо прожужжал будильник. Заглянула в комнату: бормочет телевизор, отец храпит, немного постанывая и пуская слюни на подушку. Тихонько, зажав ладонью нос и рот от тошнотворного запаха перегара и табака, проскочила в прихожую, сунула ноги в кроссовки и выбралась из квартиры.

Сквозь берёзовую листву пробивались первые робкие лучи солнца, ласкали кожу, хотелось зажмуриться по-кошачьи. Во дворе тихо. Шелестели деревья, роняя листья, оплакивали уходящее лето.

Я включила плеер, вставила наушники, закрыла глаза и, раскинув руки, представила, будто парю сейчас в воздухе, поднимаясь всё выше и выше: туда, где находится рай, туда, где нет печали и слабости, нет горя и разочарований, туда, где ласковое солнце играет с нежным пухом облаков.

У меня не было рук, только крылья, и я летела навстречу неизвестности. Я бежала, поднимаясь на высокий зелёный холм и сбегаю бесстрашно в мокрую от росы траву, щекочущую лодыжки. Кружилась голова, и казалось, что небо всё ниже и ниже, а я двигалась ему навстречу. Схватила тонкий ствол молодой берёзы и крутанулась вокруг неё, отпустила и, кружась, устремилась вглубь двора.

Прыгнула на качели, оттолкнулась от земли. Всё выше и выше, резко прыгнула вверх и взлетела, приземлилась, едва удержав баланс. Ладони сжались в кулаки, резкое движение вверх, тело выстрелило, как пружина. Раз-два, стукнула невидимую боксёрскую грушу. Хоп! Поймала мяч от пинг-понга и бросила обратно вымышленному партнеру.

Ноги отяжелели, и я медленно согнула ногу в колене, поднимая всё выше и выше, чтобы с силой опустить и раздавить всё, что попадет мне под ногу. Такой удар может проломить в земле огромную дыру в ад. Привет, Аид!

Я великан. Под моими ногами взлетали капли росы с травинок. «Трепещите, маленькие зелёные человечки! Вы мне ничего не сделали, вы ни в чём не виноваты... никто не виноват, кроме меня».

Грудь мою пробил невидимая пуля, потом ещё одна, ещё и ещё. Тело сотрясалось, как от ударов электрическим током, и я упала в мокрую траву, чтобы разбиться на тысячи осколков. Дыхание сбилось, в висках шумело, голова кружилась от послевкусия музыки. Над головой

вилась и жужжала муха. Возможно, отец прав, лучше бы я умерла, чем дала умереть ей. Я во всём виновата.

Весной я впервые увидела «кранп-батл». Возле пожарной каланчи собралась огромная толпа, слышалась взрывная электронная музыка, крики. Сначала было непонятно, что происходит. Я думала, драка, и, видимо, не только я. Тётушки возмущённо шептались: «Безобразия! Куда только смотрит полиция?», «Да вон полиция стоит!», «Вон они, окаянные! Стоят, ничего не делают!» Мужики молча смотрели и не вмешивались, удовлетворённо хмыкая. А я стояла замороженная: казалось, что парни выплёскивали всю свою «тёмную энергию» резкими движениями и сумасшедшими трюками. Это было одновременно и похоже, и не похоже на танец. Трое парней в одинаковых чёрных трико и белых футболках с какими-то надписями крутились на руках, выделявая всякие фигуры ногами. Один из них надел чёрную шапку и закрутился на голове. Я была в полном восторге от их выступления и дома незамедлительно нашла несколько видео этих парней. Мне понравились и другие направления уличных танцев: хип-хоп, поптинг, брейк, локинг. Они были не похожи на те, которые преподавала мама. Ребёнка, то есть меня, ей девать было некуда, поэтому с ранних лет я посещала танцы: сначала народные, потом классическую хореографию, потом увлеклась и контемпом. Танцы были для мамы всей жизнью, и для меня тоже.

Мне было лет пять, я дрыгалась перед зеркалом, щеголяя новым купальником с прозрачной юбкой. Я долго выпрашивала у мамы именно такой, бледно-розовый, как у балерины.

Мама засмеялась, а я повернулась и совершенно серьёзно сказала:

– Ну, что ты смеёшься?

– Просто я хочу танцевать с тобой, – сказала она и схватила меня, закружила по комнате.

– Я тоже хочу! Всегда! И чтобы «всегда» никогда не кончалось! – кричала я у мамы на руках.

– Глупенькая, – сказала она, остановившись. – Так не бывает, чтобы было «всегда» всегда. Теперь-то я это точно знаю.

«Я не живу, существую. Зачем? Совершаю эти бессмысленные ритуалы: ем, хожу в школу, стираю бельё, мою посуду, зачем?» Размышляя, я мёрзла в капроновых колготках и короткой чёрной плиссированной юбке, глядя на унылое очарование августа, от которого хотелось спрятаться за чёрными стеклами солнцезащитных очков. Солнце ещё не успело прогреть воздух, и меня немного потряхивало, то ли от волнения, то ли от холода, то ли от того и другого вместе взятых.

Бабушка ворчала:

– ...и не имела даже малейших мыслей пререкаться со старшими!

Бабушка взялась за нравоучения с самого раннего утра, можно особенно не вникать в её фразы. Ничего нового я не узнаю, осталось только кивать в знак согласия иногда или говорить: «ага, да поняла я уже». Мы миновали «сковородку» и уже шли по проспекту Мира.

– Катька, привет! – кто-то налетел на меня сзади. – Тебя и не узнать! Розовые волосы? Ты что, серьёзно? Здрасти, тётя Люся!

– Здравствуй, – улыбнулась бабушка.

Голос был очень знакомый. Я резко вывернулась из чьих-то цепких рук. На меня лукаво смотрела выразительными карими глазами-бусинками высокая девчонка с длинными чёрными волосами. Она удивлённо крутила меня как куклу:

– Блин, а очки тебе зачем в такую дождину?! Ты б ещё купальник надела, сестрёнка!

– Лариса?

С Лариской мы в прошлом году провели целую смену в санатории, куда нас вывезли родители поправлять здоровье. И Лариса, и я, по мнению наших мам, были «часто болеющими детьми, которым просто необходим отдых от городской суеты и пыли на лоне природы». Кроме процедур, которые проходили в основном утром, в санатории заняться было абсолютно нечем,

поэтому мы провели время, ухаживая за тремя рыжими брошенными котятками, скармливая им столовские сосиски и котлеты. Ну и, конечно, устраивая с ними разнообразные игры: в дочки-матери, школу, больницу. Во что только не начнёшь играть от скуки.

Я невольно потянулась к волосам.

– Да, покрасила весной... – Мне было неловко от такого пристального внимания. Волосы я и правда покрасила весной назло бабушке, которой вздумалось укорять меня за отсутствие интереса к жизни. Она-то, конечно, думала, что я брошусь покупать розовые кофточки, а я взяла и голову покрасила. Она еле-еле уговорила завуча не выгонять меня из школы, думаю, Мария Андреевна ей в этом здорово помогла.

– Как ты меня узнала?

– По бабушке, – хихикнула Лариса.

Лара схватила меня под руку и потащила в толпу, треща по пути как сорока:

– Я выиграла городскую олимпиаду по биологии, не поверишь, наградили меня дипломом и путёвкой в лагерь. Лучше б денег дали. А ты тоже едешь в «Городок достижений»?

– Типа того, – невнятно проговорила я, неуверенно оглядываясь на бабушку. Мы неслись прямо в толпу, которая уже образовалась возле Комитета по делам молодежи, разрезая её, словно катер волны. – Куда мы так несёмся?

– На регистрацию, сестрёнка, – засмеялась Лариса. – Пошли быстрее, матушка не в духе. Опять с утра орала, – она оглянулась и громко зашептала почти в самое ухо. – Бесит она меня, вечно орёт. А твоя?

Я резко остановилась.

– Да тоже бесит! Представляешь, умерла!

Лариса замерла, удивлённо распахнув свои карие глазищи. А я с дурацкой жестокостью наблюдала за её вмиг вытянувшимся лицом. Я видела уже такую реакцию. У своих одноклассников. Мы стояли в толпе, недовольно огибающей препятствие из двух застывших фигур.

– Умерла? – беспомощно хлопая ресницами, переспросила Лариса.

– Какое странное слово, да?

Нас догнали запыхавшаяся бабушка и высокая темноволосая женщина в синем пальто.

– Куда вы так несётесь? Как на пожар! – негодовала мама Ларисы.

– Ну вы и разогнались, девочки. Так, Катерина, стой тут, я пойду к столику регистрации. Непонятно, куда нам с тобой записываться. Ты посмотри, нет ли тут Марии Андреевны? Может, она подскажет?

Я тоскливо оглянулась. Лариса с мамой тоже отошли к столу регистрации, и это дало мне время выдохнуть и подумать. «Может, я зря так сразу с ней поступила? Уж отбрила, так отбрила...»

Высокий парень в бордовом жилете водителя, в центре орлятского круга, закрыв глаза, старательно пел:

«Звонкой струною звенит, послушай:

Песня ровесников завтрашних дней.

Чтобы зажечь ребячьи души,

Огня не желей, огня не желей.

Чтобы зажечь ребячьи души,

Огня не желей, огня не желей»¹.

Ребята в кругу подпевали ему на разные голоса, сбивчиво, одни всю песню, другие только на повторяющихся словах.

Рядом со мной громко и жалобно говорила женщина:

– Как он там будет один?

¹ Отрядная песня отряда «Юность»

Ей раздражённо возразил мужской голос:

– Да он и здесь один большую часть времени, болтается неизвестно где!

– Вы можете говорить потише? – осведомился раздражённо голос подростка недалеко от меня, а потом снова женский:

– А ты не заметил, что он до сих пор хромает? Как он будет там справляться?

– Так же, как и здесь. У него две ноги, две руки, голова на плечах, дай ему немного свободы. Он, может, оттого и бесится, что ты ему проходу не даёшь!

– Не кричи на меня, и так сердце с утра болит, – запричитала плаксиво женщина.

– Мы его не в армию провожаем и не на улицу выкидываем, как котёнка!

Я оглянулась, чтобы разглядеть говоривших. Около меня стояли трое: полный мужчина, элегантно одетый, деликатно держал зонт, закрывая свою спутницу и стоящего рядом с ними парня от морозящего дождя. Красивая светловолосая женщина поминутно поправляла что-нибудь на парнишке: снимала невидимые пылинки, тёрла рукав куртки, поправляла воротничок. Её глаза блестели от слёз, нос покраснел. Всем своим видом парень показывал, что он вроде как не с этими двумя. Парень как парень, совершенно обычный, только с тростью. Он почти не опирался на неё и пытался отдать её то матери, то отцу, но трость всё равно оказывалась у него в руках, и ему приходилось держать её. Коротко стриженные русые волосы топорщились ёжиком, чёрные джинсы, кеды с белой шнуровкой, синяя куртка без капюшона – вот и весь его прикид. Он кого-то высматривал в толпе. Наши глаза встретились. У него был внимательный тревожный взгляд, от которого стало неловко. Я отвернулась и поспешно отошла.

На противоположной стороне дороги, над цирком нависла огромная туча, похожая на летающую тарелку из фильма «Прибытие». Мой взгляд скользнул ниже, по эту сторону дороги луч солнца озарил людей, горы чемоданов, пакетов, сумок. И замерло всё: повисли в воздухе капли дождя, переливаясь брызгами света, словно бриллианты, пропали звуки и даже дыхание остановилось. Я увидела её в толпе. Она прошла мимо ребят, играющих в «Арам-шим-шим». Да, да, сомнений быть не может: русые волосы, струящиеся по плечам, серый плащ, туфельки с блестящими застёжками – мама снова их надела! Она задумчиво шла в ритме толпы, спешащей по своим делам, нас разделяли жалкие несколько метров. Я бросилась следом за ней, перепрыгивая через сумки и пакеты. Мама перешла дорогу на светофоре. В моей душе едва теплилась надежда. Я уже почти догнала её, в последнюю секунду, перед тем как она села в автобус, дотронулась до её рукава. На меня посмотрела совсем чужая женщина.

– Что-то случилось? – спросил обеспокоенный голос.

– Нет... нет, – пробормотала я.

Автобус тихо закрыл двери, а мне захотелось идти куда глаза глядят, не разбирая дороги, лишь куда-нибудь. Из-за слёз всё сливалось, кружилось. Остановилась только у фонтана и вдоволь наплакалась возле него. Никто не обращал на меня внимания. Не знаю, сколько я там просидела. Слёзы постепенно высохли. «Что мне теперь делать? Наверняка автобусы уже уехали в лагерь. А как же бабушка? Блин... Наверное, мне нужно пойти домой, не убьёт же она меня?»

Я подняла мутные глаза и увидела бабушку и Марию Андреевну. Психолог обняла меня без слов и прижала к себе.

– Почему ты ушла? Мы с ума сошли... – начала недовольно бабушка, но осеклась.

– Ну что, Катюшка? Всё нормально? – как можно веселее спросила психологиня. – Ребята уже в лагере, всюю заселяются и знакомятся, пока мы тут рыдаем у фонтана. Давай, вытирай слёзы и едем, я на машине.

Бабушка хотела что-то возразить, но Мария Андреевна была непреклонна:

– Людмила Васильевна, вы идите спокойно домой, всё будет хорошо! Я вам позвоню, как только доедем.

Мне было абсолютно всё равно, куда ехать, лишь бы меня оставили в покое. Я вытирала руками слёзы, повторяя про себя как заклинание: всё будет хорошо, всё будет хорошо, всё будет хорошо.

Я дошла до машины и села, даже не глядя на бабушку и Марию Андреевну, снова нацепила на нос солнечные очки. Не знаю, сколько мы тряслись по плутающим сельским дорогам, я смотрела на пронсящиеся мимо берёзы, на капли дождя, медленно стекающие по стёклам, и не заметила, как, наконец, подъехали к лагерю.

Мария Андреевна припарковала машину у разноцветных ворот. Дождь словно дал людям и природе передышку, в воздухе парила свежесть, чуть дальше от ворот столовая манила приятными ароматами, от которых во рту образовалось целое море слюны. Я вспомнила, что не ела с самого утра, а сейчас уже два часа дня.

– Давай сначала пообедаем, – не спрашивая, а ставя перед фактом, сказала Мария Андреевна.

В столовой царило единодушие, стучали ложки, кругом ели и болтали мальчишки и девочки, вожатые. Некоторые уже уходили, торопились куда-то.

Мария Андреевна поймала за руку высокого худощавого парня, жилетку которого украшало огромное количество значков:

– Кто распределял детей по отрядам?

– Не знаю, может, Дина Александровна...

– Увидишь, попроси ко мне подойти, надо узнать, в каком отряде девочка. Ешь, Катя, – она пододвинула ко мне тарелку с супом.

Глава 5

После обеда мы пошли в административный корпус. К нам подбежал низенький плотный парень, которого, судя по бейджу на груди, звали Антон, и, нервно поправляя большие круглые очки, спросил:

– Мария Андреевна, мне сказали, ещё один ребёнок приехал?

– Да, вот, Катя зовут. Она у тебя в отряде, что ли?

– Да, у меня. Слава богу, а я по всему лагерю бегал как сумасшедший, понять не мог, куда ребёнок пропал!

– Вот видишь, как хорошо! Не надо никого искать. Иди, заселяйся, – потрепала меня по плечу Мария Андреевна.

Мы вышли на улицу.

– Я учусь на втором курсе исторического факультета, – говорил Антон. – Летом у нас обязательная практика в лагере. А ты где учишься?

– В двадцать девятой школе.

– Давай я тебе расскажу, где тут у нас что, – улыбнулся Антон, – там клуб, – махнул он рукой в сторону одноэтажного синего здания, стоящего недалеко от столовой. – Послезавтра там для вас откроются кружки: театральный, танцевальный, песенный. Ты чем увлекаешься?

Я пожалала плечами. Как-то даже растерялась от этого вопроса, в театральный кружок меня и палками не загонишь. Да и пою я не очень. Танцы тоже отпадают, на сцену я не выйду, это выше моих сил.

– Не может быть, чтоб такая девчонка, как ты, ничем не увлекалась. Не переживай, здесь не обязательно петь как Басков, – пошутил Антон. – В клубе будут и мероприятия всякие проходить, праздники, конкурсы.

Я совсем сникла. «Надеюсь, меня не будут заставлять во всём этом участвовать и удастся отсидеться где-нибудь в неприметном уголке. Все эти конкурсы и мероприятия мне в школе осточертели, ещё тут будут на мозги капать».

Антон тащил мой чемодан и небольшую синюю спортивную сумку, я бы и сама могла, но он отобрал и не желал отдавать. Впервые за мной ухаживали, и от этого я тоже немного растерялась.

Мы шли по аллее, вдоль которой теснились домики из белого кирпича с просторными застеклёнными верандами. От каждого домика узенькие тропинки стекались к одной широкой асфальтированной дороге. Она вела к столовой и клубу, напротив столовой – открытая сцена и небольшая площадка.

– А здесь проходит дискотека? – спросила я, чтобы прервать молчание.

– Не-а, зарядка, – оживился Антон. – А там, в конце аллеи, возле «грибка» – спортплощадка. Там будем играть в футбол, волейбол и настольный теннис.

Мы дошли до корпуса, через стекло веранды я увидела ребят.

Левой рукой я судорожно сжимала пакетик мармелада в кармане куртки. «Ну же, смелей, всё будет хорошо, тебя там никто не съест». Я помедлила немного: «Что меня ждёт за этой дверью?» – а потом перешагнула порог веранды вслед за вожатым.

– Ну вот, располагайся, знакомься, – бодро сказал он, подкатывая чемодан к двери, ведущей к комнатам. – Если что, обращай сразу ко мне. Я всегда буду рад помочь. – Антон улыбнулся и потрепал меня дружески по плечу.

– Спасибо, – промямлила я. – Если что...

Я окинула взглядом уютную веранду, манящую теплом после промозглой улицы. Ребята словно муравьи были заняты каждый своим делом: кто-то рисовал за столом, кто-то на лавке сочинял стихи в уголке, двое парней украшали стены и окна смешными картинками и вдох-

новляющими лозунгами, приклеивая их на двусторонний скотч. Один парень сидел на лавке у окна и задумчиво перебирал струны гитары, тихонько напевая себе под нос:

«Дым на небе, дым на земле,
Вместо людей машины,
Мёртвые рыбы в усохшей реке,
Зловонный зной пустыни.
Моя смерть разрубит цепи сна,
Когда мы будем вместе...»²

На лавочке возле двери сидела, закинув ногу на ногу, девчонка в розовом спортивном костюме. Я отметила её полную фигуру и яркую внешность: невероятно длинные ресницы, нежно-розовые губы, сложенные «утиным клювиком», и русые волосы, закрученные в слегка растрёпанный пучок.

Девчонка увлечённо писала в блокноте, на секунду она подняла взгляд. Увидела нас и легко вскочила:

– Антошечка! Что-то случилось?

– Всё ок, Анжел, новенькую привёл, знакомьтесь, не обижайте. В какой комнате есть свободная кровать?

– В нашей. Я провожу, – проворковала Анжела, – ни о чём не беспокойся.

Она так хотела привлечь его внимание к себе, но он как будто не замечал и, помахав мне рукой, вышел на крыльцо.

– Привет, я Катя, мне сказали, что буду в этом отряде.

– О, это здорово, – равнодушно бросила Анжела. – Знакомься: Соня, Маша...

Я смотрела на её розовые губы, когда она перечисляла имена ребят. Неужели она решила, что я с ходу их запомню? Я стяхнула с себя невольное оцепенение...

– ...Рома, и я – Анжела! Сегодня по плану вечер «Здравствуйте!» – продолжала она, даже не глядя на меня.

Прослушала, блин, как тут кого зовут. Парень показался мне знакомым, это тот самый, чей разговор с родителями я подслушала перед отъездом. Кажется, его зовут Рома.

Три девчонки за столом шептались и смеялись, поглядывая в нашу сторону. Не люблю, когда вот так поглядывают. Будто обсуждают, какие у меня смешные уши, дурацкая причёска или короткие ноги. Нестерпимо захотелось поправить волосы.

– Ничего себе, какая конфета к нам приехала! – отбросив скотч на лавку и раскрыв объятия, направился ко мне обаятельный парень в белой рубашке с расстёгнутым воротником, обнажая такие же белоснежные зубы. – Как тебя зовут-то?

Он небрежно положил мне руку на плечо и притянул к себе.

– Отвали, – тихо, пытаясь не привлечь всеобщее внимание, произнесла я. Всегда стараюсь сразу отшить нахалов, чтобы у них не было ложных надежд на мой счёт.

– Хм, у тебя необычное имя! – смеясь произнёс парень, обдав моё лицо лёгким ароматом ментоловой жвачки. – Ладно, не ломайся, скажи, как зовут?

– Зовут зовутка, а кличут утка! – весело крикнули из угла веранды. Кто именно, я не увидела.

– Да она тебе не ответит. Вишь, какая дерзкая, – сказал паренёк с орлиным носом и чёрными глазами. – Сними очечи, не месяц май.

– Ох, как же от неё приятно пахнет конфетами... кажется, леденцами, – сказал красавчик.

– Так бы и лизнул? – усмехнулся парнишка с орлиным носом.

– Гош, тебе дать, ты бы лизнул.

² Крематорий «Мусорный ветер»

Парни покатались со смеху. Красавчик в белой рубашке убрал руку с моего плеча и отошёл.

– Вот же дураки. Чё они ржут, как кони?! – пожав плечами, гневно произнесла кудрявая девчонка, подняв на секунду взгляд от стенгазеты. Кажется, это Маша.

– Ну и пошляки, – фыркнула рыженькая круглолицая девчонка, рассеянно ковыряя потрескавшийся синий лак с ногтей.

Я отправилась в комнату, чтобы там распаковать чемодан, как же они меня выбесили – КВНщики, блин, недоделанные.

– Ой, ну всё, не пугайте новенькую, – слышался строгий голос Анжелы. – Развесьте флажки. Макс, что у тебя за характер, сразу лапать девчонок? Да и вы все хороши, налетели. Гоша, Рома, делом занимайтесь, всего два часа до мероприятия!

Комнатка крошечная. Я нажала на выключатель, разлился мягкий жёлтый свет. Единственное окошко занавешено зелёными тюлевыми занавесками, свободная кровать оказалась у двери, на ней уже кто-то посидел: бежевое покрывало смято, подушка валяется на другой кровати. Поискала постельное бельё, оно оказалось на самой верхней полке старенького скрипучего шкафа, у которого до конца не закрывалась ни одна дверца. Аккуратно постелила розовое бельё с принцессами, на их лицах красовались счастливые улыбки. Везёт вам, девочки, нет у вас моих проблем. Тяжело вздохнула и накрыла смеющихся принцесс покрывалом. Комната слишком тесная для четырёх человек, кроме постельных мест, тумбочек и шкафа сюда бы больше ничего не влезло. Вот бы не выходить отсюда до конца смены, в мыслях крутилось монотонное: «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...»³. Я упрямо тряхнула головой. Положила зубную щётку и пасту в тумбочку, мыло, сменку, рулон туалетной бумаги, косметичку и сладости, только после этого вышла снова к ребятам.

Застеклённая веранда была идеальным местом для отрядного уголка. Вдоль стен стояли лавочки, застеленные разноцветными покрывалами и украшенные декоративными подушками с котятками, посередине длинный стол, который при желании можно было пододвинуть к стене. Парни, постоянно подшучивая друг над другом, увлечённо развешивали над дверью флажки. Я ловко проскользнула между ними и уселась на лавку недалеко от хромого Ромы, невольно слушая его тихое пение и оглядывая ребят.

Основная работа кипела за столом: Маша рисовала стенгазету, ещё две девочки, рыженькая и русоволосая, вырезали цветочки и картинки из журналов, приклеивая их в хаотичном порядке.

– Маш, название отряда пока не пиши, думаю ещё, – важничая, сказала Анжела.

– Ой, девочки. У нас столько Ромочек, аж три, давайте назовем «Ромашки»? Это так романтично, – томно сказала, немного картавя, русоволосая девчонка в сером свитере с медвежонком Тэдди, вырезая сердечко вместо цветочка.

– Обожаю ромашки! Мои любимые цветы! – поддакнула вторая и скосила глаза на мальчишек.

– Я скажу позже, как будет называться наш отряд... – сухо сказала Анжела. – Пока наша задача – украсить отрядный уголок. Кто делает «Листок чистоты»?

– Предлагаю назвать отряд «В засаде»! – внезапно высказался парень в штанах цвета хаки, даже не отрывая взгляда от альбомного листа, на котором что-то чертил.

– Ром, ну и как нас будут называть? «Взасадцы»? Или «Взасадники»?

На веранду стремительно ворвался вожатый Антон. Бордовый жилет вожатого он сменил на серый, поверх него надел чёрный плащ с капюшоном. Метла мешала передвигаться в небольшом пространстве веранды, поэтому он тут же поставил её возле двери:

– Катюшка, как дела? Освоилась?

³ Иосиф Бродский

Я вымученно улыбнулась. Анжела нахмурилась и начала яростно чёркать в блокноте.

– Как у нас дела с названием отряда? – спросил Антон.

– Придумываем уже. Есть несколько вариантов, – деловито отчиталась Анжела. – Антош, ты не беспокойся, всё будет.

И тут поднялся такой галдёж! Ребята наперебой начали выкрикивать названия:

– Давайте назовёмся «Новое поколение»!

– Нет, «Поколение X»!

– Давайте «Бойцы»! Я и лозунг уже знаю! «Когда мы едины, мы непобедимы!»

– Кто про что, а Войнов про войнушку!

– Тогда уж лучше «Заводные апельсины»!

– Сонь, какие ещё апельсины? Придётся всю смену ходить в оранжевой одежде, а у меня такой нет, – запричитала Маша.

– А как же «Ромашки»?

– «В засаде»!

– «Ромашки»!

– Ладно, – сказал Антон. – Мне нужно отбежать на внеочередную планёрку, а потом на репетицию. Сочиняйте песню про наш отряд, какие мы все дружные и как здорово в лагере. Я скоро вернусь и проверю. Катюшка, не грусти, выше нос!

Антон поправил очки, схватил метлу и выбежал с веранды.

– Кажется, он на новенькую запал, – громко прошептала Маша, потом увидела, что я на неё удивлённо смотрю, мгновенно густо покраснела, чуть не слившись по цвету со своей красной водолазкой, и занялась снова стенгазетой.

– Ни на кого он не запал. Вообще, нехорошо вожатого обсуждать, – сказала Анжела, смерив Машу презрительным взглядом.

– Улетел наш Гарри Поттер... А разве он не должен нам хоть в чём-то помогать? – спросила рыженькая Соня.

– Ой, да что мы, сами не справимся? Вера, Рома, нужно сочинить песню. Мотив на ваше усмотрение. Можно взять любую современную и переделать. И, кстати, нужно придумать, как мы к Ромам будем обращаться.

– Да, а то повернулись все трое сейчас, – забавно морщась, сказал Гоша. – Я придумал, – он показал на парня с гитарой, – тебя мы будем звать Пират.

– Ага, Капитан Крюк, – подхватил Макс.

– Он хромой, а не одорукий, – осадил его Гоша.

– Ты будешь – Капрал, – показал он на парня в военных штанах.

– А я? – спросил худой прыщавый белобрысый парень.

– А ты – Сопля.

Под болтовню и смех ребят я забилась в самый дальний уголок веранды, подложила под спину подушку.

«Говорят, время лечит. Так ли это? Душевные раны, как и раны телесные, не могут кровоточить бесконечно. Рано или поздно раны затягиваются, но не все они исчезают бесследно. Некоторые оставляют рубцы, которые напоминают нам о пережитой боли. Сколько времени понадобится человеку, чтобы пережить горе от потери близкого человека? Мне кажется, я не выйду из этого состояния никогда, хоть мне и твердят, что всё проходит и это пройдёт».

Про меня все забыли, размышляя, даже задремала. Я резко проснулась от боли в плече. Надо мной нависла странная расплывчатая фигура в чёрном плаще. Через несколько мгновений очертания прояснились.

– Кать, ты чего, спишь? Как отряд решили назвать? – пытливым взглядом смотря мне в глаза, спросил вожатый Антон. Голова раскалывалась от недосыпа, хотелось зевнуть, неприятная горечь

во рту останавливала сделать это до тех пор, пока надо мной нависает вожатый. Огляделась по сторонам, ребята, забыв про меня, убежали куда-то. Наверное, репетировать.

– Кажется, «Ромашки в засаде», – я поправила съехавшие на нос солнечные очки. Это было последнее, что я помнила от этого дня.

– Хорошо, – сказал Антон, записывая название на листочек. – А где все?

– Я... не знаю.

– Иди к ним, через десять минут жду всех на репетиции в клубе.

Выйдя из домика, огляделась по сторонам. Кажется, возле беседки в конце аллеи трепыхался Анжелкин пучок. Я поплелась на этот сигнальный маяк. Из соседнего дома, словно разноцветный горох, высыпали ребята другого отряда и, держась за руки, пошли в сторону клуба, выкрикивая свою речёвку:

«Называемся мы «Банда», мы – отличная команда! Мы смелые, ловкие, умелые!»

Я неторопливо доплелась до беседки, огибая лужи. Дождя не было, на небе появилось тусклое солнце.

– О, проснулась! – сказал Макс, сияя лукавыми бесстыжими глазами. – А мы тут девиз, речёвки и песню репетируем. Айда к нам! Слушай: «В этой смене мы здесь боссы, ведь на нас реактивные кроссы»!

– А как назваться решили?

– Анжела предложила «Реактивные кроссовки».

Чёрт. Тихонько помахала Анжеле, чтобы она подошла.

– Тут такая фигня получилась, я Антону сказала, что отряд называется «Ромашки в засаде»...

– Что? – нахмурилась Анжела. – Ты Антону сказала что?

Я растерянно молчала. Но Антон тоже хорош, почему он у меня спросил? Шёл бы к Анжеле.

– А с чего ты взяла, что мы будем так называться?

Лицо её покраснело и покрылось пятнами, голос срывался на визгливые нотки:

– Что ты лезешь не в своё дело? Это мой отряд! Это я придумала название! Я здесь командир и я решаю!

– Я думаю, ещё не поздно изменить, что стряслось-то? Пофиг мне, как вы там будете называться!

Мне хотелось поскорее уйти отсюда, скрыться с глаз, забиться под одеяло, лишь бы не слышать их голоса.

– А что случилось? – любопытно всунулась Машка.

– Эта дура сказала Гарри Поттеру, что наш отряд называется «Ромашки в засаде», – с плохо скрываемым раздражением сказала Анжела.

– Классное название! – закричали девчонки.

– А что! Прикольно! Мне тоже нравится, – сказал тот, кого прозвали Капрал.

– Сахарок-то с фантазией! – хохотнул восхищённо Гоша, раскрыв объятия.

– Может, ты и девиз придумаешь? – вызывающе спросила Анжела. – Мы на девизы сорок минут убили, пока ты спала, а теперь... всё зря...

Я смотрела на раздражённую Анжелу и искренне не понимала, почему она так разволновалась, мир-то не рухнет из-за неправильного названия отряда. Стоит ли так переживать из-за такой ерунды?

Соня, почесав переносицу, добавила:

– Речёвки для отряда придумать легко, слушайте:

«Мы живём в самом лучшем на свете отряде,

Нас называют «Ромашки в засаде»!

Или

«Мы самые лучшие, и хоть мы все разные,
«Ромашки в засаде» – самые классные»!

– Поздно уже что-то менять. Я всё решила, – холодно сказала Анжела.

– А почему ты за них всё решаешь? – возмутилась я. – Такие решения принимаются коллективно.

– Анжелочка, правда ведь, хорошее название, – затараторила Соня. – Кто за, поднимите руки? Голосуем!

Анжела оглядела восемь поднятых рук.

– И вообще, почему ты командир? – добивала я Анжелу, распалившись. – Они что, тебя уже выбрали? Выборы пройдут только завтра.

– А мороженка-то боевая, – смеялся Макс, – того гляди сместит Анжелку.

– А ты, значит, самая умная, да? Хочешь, сама командуй, посмотрим, как ты справишься, – процедила Анжела, недобро зыркнула и, хлопнув меня по животу папкой с листочками, стремительно ушла в липовую аллею, печально помахивая в такт шагам выбившимися из пучка прядями. Небо снова заволкло тучами, закапал дождик, и ветер легонько тронул берёзовую листву.

«Ну и зачем мне это всё? Кто меня за язык тянул? Я вообще хотела спать и никого не трогать. Желательно дома, а не в этом филиале дурдома, где самой страшной проблемой века считается неправильное название отряда».

Я отдала Вере листочки и сказала устало:

– Не буду я командовать, не умею.

– Давайте Анжелу вернём? – засуетились девчонки.

Вера и Маша побежали за ней. Анжела психовала, махала руками, вырывалась от догоняющих её девчонок. «Что за глупости?»

Отряд выступил ужасно. Все были какие-то измученные, задёрганные, позабывали речёвки, орали кто в лес, кто по дрова. Я на сцену не вышла.

Вечером Антон подозвал меня и Анжелу. Пристально посмотрел на меня.

– Почему не участвовала в мероприятии?

Я молчала, наклонив голову, объясняться не хотелось. Почему я вообще должна перед ним отчитываться? Антон повернулся к Анжеле:

– А ты знаешь почему?

– Нет конечно, – огрызнулась Анжела.

– Ты – командир отряда, ты должна знать, почему в твоём отряде некоторые не участвуют в обязательных общелагерных делах. Будь добра исполнять свои обязанности, иначе командиром отряда будет кто-то другой.

Глава 6

Утром на зарядке лохматый заспанный пацан из младшего отряда передал Ромке мятый листок. В записке значилось разноцветными буквами, вырезанными из журнала: «После обеда встретимся возле дома с зелёной крышей. Захвати бутерброды, котлеты, мармелад и конфеты».

Допустим, котлеты и бутерброды Рома знал, где взять. А вот где раздобыть конфеты и мармелад? Он их не очень-то любил. Может, у Лариски спросить? Лариска рассмотрела записку со всех сторон, обнюхала, откусила кусочек. Пожевала и выплюнула, спросив:

– И что ты решил?

– Ничего я не решал. А что?

– Да ничего. Поздравляю! Если принесёшь, то всю смену должен будешь. Если не принесёшь, избыют.

Рома задумался: «Лариска права, надо быть осторожным, на встречу пойти можно, но лучше подготовиться и быть во всеоружии. Надо же выяснить, что за шутник тут нашёлся».

Вспомнил пару приёмов самбо, отработав их на подушке. Порасспрашивал пацанов из отряда. У Гоши нашлись леденцы, у Макса пара шоколадных конфет, у Капрала пачка мармелада. Дом с зелёной крышей нашёл быстро. Недалеко от столовки по главной аллее. Сколько же здесь было кошек! Белая лежала на заборе, чёрно-белая мирно жмурилась на крыльце, серая вылизывала котят возле зелёного деревянного домика. Пока Ромка разглядывал животных, кто-то схватил его за руку и развернул к себе. Сердце прыгнуло в груди.

– Ромыч, захвати флаг в отряд. – Антон протягивал Ромке сложенный в несколько раз кусок разноцветной ткани.

– Ладно, – не успел договорить Рома, как уже держал флаг и смотрел вслед убегающему Антону. Тот как всегда куда-то торопился, лохматый и невыспавшийся.

– Бу! – громко выкрикнула Лариса в ухо Ромке, и он второй раз за день подскочил, схватившись за сердце.

– Сговорились вы все сегодня, что ли?

– Принёс котлеты? – спросила, хитро улыбаясь, Лариска.

– Так вот кто у нас тут террорист... – вяло пробормотал Рома. – А зачем?

– Котят кормить будем. – Лара посмотрела на Ромку как на младенца.

У некоторых котят слезились глаза. Лариса отругала себя за то, что не взяла с собой ни мазей, ни противовирусных капель, а заодно и Рому за то, что попался под горячую руку.

В школе Лариса объединила нескольких ребят в волонтерскую организацию «Защитники животных», она и Рому туда зазывала, но он охотнее рубился с пацанами на мечях или в «колду», чем ухаживал за кошками. Когда Рома сломал ногу, Лариса притащила для него рыжего котёнка, облезлого и грязного, и объявила, что его задача приютить, накормить и вылечить. За полгода рыжий пушистый наглец на попечении у Ромкиной мамы поправился, отъелся и подрос.

– А мармелад зачем? – поинтересовался Ромка, глядя, как Лариса возится с котятами. Постелил себе флаг на пенёк и сел, устав стоять.

– Катю хотела позвать, но она куда-то пропала. Такая у неё теперь особенность: быть незаметной, – объясняла она Ромке. – А ведь раньше огонь-девка была, всегда и везде первая, самая громкая, самая яркая, хоть и не с розовыми волосами, а обычными светло-русыми... Её только и можно, что мармеладом куда-то звать. Смотри какой он холёсенький, – засюсюкала она, взяв на руки пушистого кошачьего ребёнка.

Этот котёнок приглянулся Лариске больше всех. Серенький, толстенький, он так и льнул к тёплым щедрым рукам, а Лариса и рада была его гладить и тискать.

Рома не впечатлился:

– Подцепишь от него ещё какую-нибудь заразу.

– Старичок, тебе лишь бы поворчать. Нет у него никакой заразы, посмотри, всё хорошо, – сказала она, протягивая Роме пушистика, и продолжила, теперь уже обращаясь к пищащему котёнку: – Да, моя сладость?

Зашелестели кусты и хрустнули ветки. Друзья удивлённо оглянулись и увидели шестерых парней. Они двигались слаженно и быстро. Все были одеты в чёрные куртки-ветровки и джинсы. Мгновенно они оказались рядом и окружили Ромку и Ларису.

– Э! Чё делаем тут? – преувеличенно громко спросил один из них, невзрачный и худой.

– Котяточки! – глумливо хохотнул лысый парень со смешными оттопыренными ушами и пнул ногой забор. Кошка на заборе зашипела и выгнула спину.

– А ну кыш, блохастая! – шугнул её коренастый пацан с кривыми, как у ковбоя, ногами. Кошка с диким мявом спрыгнула на землю.

А ушастый подошёл к Ларисе и взял в руки серый пищащий комочек. Котёнок засучил лапками и запищал ещё громче.

– Отдай кота, – твёрдо сказал Рома, хоть внутри у него и оборвалось всё. Он вскочил с пня и стоял, вытянувшись, как струна. Собранный и сдержанный, только подрагивающая левая ладонь выдавала его волнение.

– Дерзко, – сказал высокий парень справа и, смачно всхрюкнув, харкнул на траву. – Ну и чё мне за это будет?

– Ничего, – спокойно сказал Рома, сделал шаг ему навстречу и вытянул руку вперёд.

Ушастый швырнул котёнка низенькому очкарику, он выругался, поймав его. Котёнок выпустил коготки, отчаянно пытается хоть за что-нибудь зацепиться.

– Очкастый, отдай котёнка! – потерял Рома терпение.

– Щас за очкастого в пачку втащу, – отреагировал тот беззлобно.

– Чё вам заняться нечем, что ли? – буравя взглядом очкарика, спросила Лариса, сложив руки на груди.

– Ага, – улыбнулся кривыми зубами очкастый, размахнулся и бросил котёнка через забор. Лариса коротко ахнула и закрыла рот ладонью. Рома знал, что лучшая защита это нападение, потому схватил оборзевшего очкарика за локоть, развернул и без разговоров врезал под дых. Очкарика согнуло пополам. Не дав ему опомниться, Ромка тут же ухватил его за ворот куртки и дёрнул вниз, приложив коленом, но неудачно, вскользь по косой. Тот всхлипнул и дёрнулся от удара. Отойдя от первого шока, пацаны набросились на Рому со всех сторон, толкаясь и выкрикивая оскорбления. Рома не успел отвернуться от удара в челюсть, да и от пинков по ногам и под зад. Вот тут-то он пожалел, что не взял с собой трость, он бы ею сейчас накостылял всем по щам, мало бы не показалось.

– Вы, придурки, отпустите его! – колотила Лариса кулаками в спину самого высокого парня, но он оттолкнул её, и она упала, запнувшись за выступающую из земли корягу. – Я сейчас вожатых позову, – крикнула в отчаянии она. Вскочила с земли и побежала к домикам.

Без зрителей запал нападающих итсак. Высокий, еле отдышавшись, сплюнул:

– Борзой, блин, ты откуда будешь-то?

– Это чё, имеет значение? – спросил Рома. Ему здорово наподдавали по больной ноге, и он плохо соображал, зачем все эти любезности. Он мечтал уползти куда-нибудь подальше от этих придурков и немного передохнуть.

– Чё ты с ним любезничаешь? – осведомился очкарик. Ромка ощущал, что, если бы очкарику дали волю, он бы ввалил Ромке ещё, да не решался, только кулаки сжимал произвольно.

– Чё вам надо-то? – спросил Рома.

– Да вот тряпочку одну хотели у вас позаимствовать, – сказал главарь, сдернул с пня флаг отряда, размотал его и завязал на шее как плащ.

– Эй, – услышали они чей-то крик. Ромка обернулся, к ним бежали Антон, физрук и та девчонка с розовыми волосами.
– Ещё увидимся, борзый, – сказал высокий. – Будь паинькой.
Шестеро исчезли в кустах так же быстро, как появились.

Глава 7

Я не хотела видеть противное лицо выпендрёжной Анжелы и ушла гулять одна, пусть они там без меня как-нибудь к концерту подготовятся. Увидела, что на Рому из нашего отряда напали какие-то парни. Скорее всего местные, деревенская шпана, не видела таких парней в отрядах. Я страшно испугалась и убежала за вожатым, Антон сорвался сразу же, без лишних расспросов, выручать Ромку из беды. Потом прибежали Лариса с Марией Андреевной. Нашему отряду сняли баллы за потерю флага. Анжела в ярости. Флаг потом нашли на въезде в лагерь на воротах. Весь грязный и в листьях, но целый. Вожатые решили, что на мероприятиях нужно будет усилить дежурство.

Я дописала последнюю строчку в дневник, который мне всучила Мария Андреевна и уговорила хотя бы иногда заполнять, когда в комнату кто-то громко постучал.

– Да? – сердце бешено зашлось в груди.

– Можно войти? – услышала я голос Антона.

– Э-э-э-э... ну да... – Я же не могу запретить вожатому зайти.

Антон переступил порог комнаты и нерешительно остановился у двери. Я заметила измученное недосыпанием усталое лицо, под глазами залегли тени. Голубая футболка с жёлтыми домиками – символом «Городка достижений», изжёванная, будто он прямо в ней и засыпал.

– Привет!

– Привет, – я удивлённо посмотрела на него, приподняв бровь. – Мы же виделись сегодня.

– А... Да, конечно. – Он помедлил немного и сел на соседнюю кровать. – Нам нужно серьёзно поговорить...

– Давай, – протянула я и села, торопливо спрятав под подушку дневник. – Не выпался?

– Полночи танец репетировали на дневное мероприятие. Я что хотел сказать... Ты какая-то грустная. У тебя всё хорошо? Может быть, скучаешь по маме и хочешь домой?

– Всё нормально, – фальшиво сказала я, скрестив руки на груди.

– Да? Я бы не хотел, чтобы ты уехала. – Антон нервно поправил очки, пригладил взъерошенные волосы. Прищурился. – Тогда почему сторонись всех, не участвуешь в мероприятиях? Пропадаешь. – Антон помолчал немного и сказал мягко: – Катюшка, пора уже вливаться в коллектив, ребята у нас подобрались очень хорошие, талантливые, общительные...

– Да-да, знаю я, какие они общительные, каждый знает больше всех и лучше других, – перебила я его.

– Ну, они хотя бы стараются... Учатся общаться. Ты же, например, диалога сознательно избегаешь. Многие это заметили, и меня это беспокоит. Сегодня, я надеюсь, нет причины пропустить вечерний «огонёк»? Ты придёшь? – Антон вздохнул.

– Приду.

Он кивнул и вышел.

«Только этого мне ещё не хватало для полного счастья. Интересно, с чего вдруг он так заволновался? Наверняка Мария Андреевна его настроила на этот «серьёзный разговор». Ох уж эта психологиня, в школе все мозги проела: «Возвращайся к жизни», теперь в лагере. Оставалось немного времени. Надеюсь, что белая футболка и чёрные джинсы подойдут для вечерних посиделок, не буду же я прихорашиваться для малознакомых и не интересных мне людей?»

Парни отодвинули стол и лавки к стене, девчонки накидали на пол покрывала и одеяла, на середину поставили огромный поднос и зажгли свечу. Несколько человек уже сидели, образуя неровный круг. Я проскользнула к ним и села рядом с Соней и Капралом. При этом сразу подметила, где сидит Анжела. Не хотелось снова с ней пересекаться. Предпочитаю всегда знать, где и что делает мой враг.

Я посмотрела на экран мобильного телефона, вечерний «огонёк» начнётся через пять минут. Выключили свет, на стенах плясали тени, и создавалось впечатление, что мы первобытные люди в пещере у огня. Я рассматривала ребят, Макс, толкаясь, пытался втиснуться между уже сидящими и устраивался поудобнее.

Рома сел рядом с Капралом. Взял гитару, его пальцы легко коснулись струн. Сначала он просто перебирал их, будто не знал, о чём будет петь. В это время опоздавшие занимали свои места. Невольно я залюбовалась этим невзрачным парнем, в его задумчивых глазах постепенно разгорался огонёк вдохновения, и лёгкая улыбка то касалась губ, то снова исчезала. Сначала он смотрел на огонь, а потом беспокойно осмотрелся, будто что-то вспомнил. Вот и наши глаза встретились на несколько секунд, он отвёл взгляд и больше ни разу на меня не посмотрел. Странно, то буравит взглядом, то вот, отвернулся и будто не замечает.

«Мимо текла, текла река, плыли куда-то облака,
Шёл человек, была дорога не легка.
И человек мечтал о том, что он построит где-то дом,
И поселится счастье с ним в доме одном, в доме одном.
И человек мечтал о том, что он построит где-то дом,
И поселится счастье с ним в доме одном.
Если бывало, он сдавал, то неизменно напевал
Песню любимую свою, ту, что пою, ту, что пою.
Дом, как известно всем давно, – это не стены, не окно,
Даже и стулья за столом – это не дом, это не дом.
Дом, как известно всем давно, – это не стены, не окно,
Даже и стулья за столом – это не дом.
Дом – это там, куда готов ты возвращаться вновь и вновь,
Радостным, добрым, нежным, злым, еле живым или живым.
Дом – это там, где вас поймут, там, где надеются и ждут,
Где ты забудешь о плохом, – это твой дом, это твой дом.
Дом – это там, где вас поймут, там, где надеются и ждут,
Там, где забудешь о плохом, – это твой дом»⁴.

Сейчас все они казались такими беззащитными и совсем не похожими на тех бойких парней и девчонок, что старались вырвать победу любой ценой на соревнованиях. Им не нужно доказывать, какие они крутые перцы или дерзкие девчонки. Сейчас, здесь, они настоящие. Маски сняты.

⁴ Гальперин Мир, «Дом»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.